

Егор Казанцев

Между двумя поездами

Егор Kazancev

Между двумя поездами

«Автор»

2026

Kazancev E.

Между двумя поездами / Е. Kazancev — «Автор», 2026

Каждую среду в 14:47 мимо станции «Ольховка» проходит скорый поезд. Машинист поднимает руку, диспетчер Вера машет в ответ. Семь секунд. Три года. Они не знают имён друг друга. Однажды поезд останавливается. И машинист выходит на платформу. История о том, как один человек может остановить поезд, а вместе с ним — изменить чужую жизнь.

© Kazancev E., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Среда	6
Глава 1. Четырнадцать сорок семь	6
Глава 2. Станция	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Егор Kazancev

Между двумя поездами

Часть I. Среда

Глава 1. Четырнадцать сорок семь

Станция «Ольховка» стояла на перегоне между двумя большими городами, которых Вера Соловьёва никогда не видела.

Она родилась здесь, в посёлке при станции, и знала каждый рельс, каждую шпалу, каждый скрип на повороте. Она знала, что в 6:12 проходит первый товарный — тяжёлый, гружённый углём, с гудком, который слышно за три километра. Что в 9:30 идёт электричка на север — три вагона, полупустая, с сонными пассажирами, которые едут на работу в город и обратно. Что в 11:15 — почтовый, который иногда останавливается, чтобы выгрузить мешки с письмами и посылками. А в 14:47 — скорый «Северный экспресс», который никогда не останавливался.

Вера работала диспетчером восемь лет. Сначала — помощником, потом — сменным. В её обязанности входило следить за графиком, переключать стрелки, объявлять поезда. Работы было немного: три пути, две платформы, восемь поездов в сутки. Иногда — меньше. Иногда — больше, если случались сбои на соседних перегонах, и тогда Вера сидела у рации, принимала сообщения, записывала в журнал, передавала дальше. Но это было редко. В основном — тишина.

Она любила свою работу. Не потому, что она была интересной, — она была скучной. А потому, что в этой скуке был ритм. Расписание. Порядок. Поезда приходили и уходили в одно и то же время, и это успокаивало. Вера знала: что бы ни случилось в мире, в 14:47 мимо пройдёт «Северный экспресс». Это было единственное, в чём она была уверена.

Диспетчерская находилась на втором этаже вокзала — маленькая комната с окном, выходящим на пути. Внутри стоял пульт — старый, с кнопками и тумблерами, которые Вера знала наизусть. Рядом — журнал, толстый, в клеёночной обложке, где она записывала поезда от руки. На стене — расписание, выцветшее от солнца. На подоконнике — чайник, кружка, термос.

Вера приходила на смену в семь утра. Открывала дверь, включала свет, ставила чайник. Потом садилась за пульт, проверяла стрелки, смотрела на экран. Всё работало. Всё шло по расписанию. И в этом было что-то надёжное — как будто мир держится на этих рельсах, на этих поездах, на этих семи секундах.

Особенно она любила среду.

В среду в 14:47 проходил «Северный экспресс». Он шёл из Москвы в Петербург — быстрый, белый, с синей полосой. На повороте у «Ольховки» он сбавлял ход — не останавливался, но замедлялся, — и машинист поднимал руку.

Вера махала в ответ.

Это началось три года назад. Она стояла на платформе, ждала электричку, и вдруг мимо прошёл «Северный» — медленно, почти пешком. Машинист посмотрел на неё и поднял руку. Она махнула. Он улыбнулся.

С тех пор это стало ритуалом. Каждую среду в 14:47 Вера выходила на платформу, смотрела на поворот и ждала. Поезд появлялся через минуту — белый, с синей полосой. Он замедлялся. Машинист поднимал руку. Она махала в ответ.

Семь секунд.

Она не знала его имени. Он не знал её. Они никогда не разговаривали. Но каждую среду они встречались взглядами — на семь секунд, пока поезд шёл мимо.

Вера никогда никому об этом не рассказывала. Даже Маше. Особенно Маше. Маша бы засмеялась и сказала: «Мам, ты машешь незнакомому мужику каждую среду? Это странно». И была бы права. Это было странно. Но Вера не могла остановиться. В этих семи секундах было

что-то, чего не было в остальной её жизни. Что-то, что заставляло её выходить на платформу даже в дождь, даже в снег, даже когда она устала и хотела остаться в диспетчерской.

Она не знала, что это. Может, привычка. Может, надежда. Может, просто семь секунд, когда кто-то смотрит на неё и улыбается.

В тот день — среда, 12 апреля — Вера вышла на платформу в 14:40.

Было холодно. Ветер гнал по платформе сухие листья и обрывки газет. На небе — серые тучи, тяжёлые, как мокрое одеяло. Пахло дождём.

Вера стояла у края платформы, в форменной куртке, с флажком в руке. Флажок был красный — для сигналов. Она редко им пользовалась. Но сегодня взяла — просто так. Может, чтобы чем-то занять руки. Может, чтобы казаться официальной. Может, просто потому, что он был красивым.

В 14:46 на путях что-то щёлкнуло. Стрелка. Вера обернулась — стрелка стояла прямо.

В 14:47 из-за поворота показался поезд.

Белый, с синей полосой. «Северный экспресс». Он шёл медленно — как всегда. Вера подняла руку.

Машинист поднял руку в ответ.

Семь секунд.

Поезд прошёл мимо. Вера опустила руку.

И тогда поезд остановился.

Сначала Вера подумала, что ей показалось.

«Северный» прошёл мимо — она видела, как мелькнули окна, вагоны, синяя полоса. Он ушёл за поворот. Но потом раздался скрип тормозов — резкий, металлический. И поезд встал.

Вера замерла.

Поезда не останавливаются на «Ольховке». Для этого нет причин. Нет пассажиров. Нет технической необходимости. «Ольховка» — это перегон, точка на карте, где поезд сбавляет ход, но не останавливается.

А он остановился.

Вера схватила рацию.

— «Ольховка» — диспетчеру. «Северный экспресс» остановился на перегоне. Причина неизвестна.

Рация молчала.

— «Ольховка» — диспетчеру. Повторяю: «Северный экспресс» остановился.

— Принято, — сказал голос. — Выясняем.

Вера вышла на платформу. Ветер усилился. С неба начал падать дождь — мелкий, холодный.

Дверь первого вагона открылась.

Из неё вышел человек.

Он был в форме машиниста — тёмно-синей, с нашивкой «Северный экспресс». Высокий, лет сорока, с сединой на висках. Он прыгнул на платформу и пошёл к Вере.

Она стояла неподвижно. Флажок в её руке дрожал.

— Здравствуйте, — сказал он.

— Здравствуйте.

— Вы — диспетчер?

— Да. Вера Соловьёва.

— Я знаю. — Он улыбнулся. — Я три года машу вам рукой. Пора познакомиться.

Он протянул руку.

— Андрей. Андрей Крылов.

Вера смотрела на его руку.

В голове было пусто. Или нет — в голове было слишком много. Мысли бежали, как поезда, и она не успевала их остановить. «Это не по расписанию. Это нарушение. Это опасно. Это безумие. Это...»

— Вера, — сказала она. — Меня зовут Вера.

Она пожала его руку. Ладонь была холодной и мокрой от дождя.

— Я знаю, — сказал он. — Теперь знаю.

Дождь усилился. Они стояли на платформе, под открытым небом, и вода стекала по их лицам.

— Почему вы остановились? — спросила Вера.

— Потому что я устал махать.

Она посмотрела на него.

— Что?

— Три года. Каждую среду. Семь секунд. Я вижу вас — и не знаю, как вас зовут. Я вижу, как вы стоите на платформе, в любую погоду. И я не могу остановиться. — Андрей убрал мокрые волосы со лба. — А сегодня я решил: хватит.

— Вы нарушили график.

— Да.

— Вас уволят.

— Возможно.

Вера молчала. Дождь усилился. Флажок в её руке намок.

— Вы понимаете, что это безумие? — сказала она.

— Понимаю.

— Вы остановили поезд с пассажирами. Из-за чего? Из-за того, что устали махать?

— Из-за того, что хотел узнать ваше имя.

Вера посмотрела на него. Он был мокрый, уставший, счастливый.

— Вера, — сказала она. — Меня зовут Вера.

— Я знаю. — Он улыбнулся. — Теперь знаю.

Рация зашипела.

— «Ольховка» — диспетчеру. «Северный» — что у вас?

Вера поднесла рацию к губам.

— Всё в порядке. Техническая остановка. Через минуту поедет.

Она посмотрела на Андрея.

— Через минуту?

— Через минуту.

Он кивнул. Потом сказал:

— Вера. Я хочу вернуться.

— Куда?

— Сюда. В следующую среду. Но не на поезде. — Он помолчал. — Я хочу приехать. Остановиться. Поговорить.

— У вас есть время?

— У меня есть отпуск. Три дня. Я могу взять его на следующей неделе.

Вера смотрела на него. Дождь стучал по платформе. Где-то вдалеке прогудел товарный поезд.

— Хорошо, — сказала она. — Приезжайте.

Андрей вернулся в вагон. Дверь закрылась. Поезд тронулся — медленно, тяжело, как будто нехотя. Вера стояла на платформе и смотрела, как он уходит за поворот.

Семь секунд прошли. Но на этот раз они были другими.

После смены Вера пошла домой.

Дорога от станции до дома занимала десять минут — через посёлок, мимо магазина, мимо школы, мимо клуба. Вера шла медленно. Дождь закончился, но воздух был влажным и холодным. Пахло мокрой землёй и дымом из труб.

Дом стоял на краю посёлка — маленький, деревянный, с палисадником, в котором росли только сорняки. Вера не любила цветы. Цветы требовали внимания, а она не хотела давать внимание никому, кроме работы.

Она открыла дверь. В доме было тихо.

— Я дома, — сказала она.

Из комнаты вышла девочка — худая, быстрая, с двумя косичками. Ей было двенадцать. Её звали Маша.

— Мам, ты чего так поздно?

— Поезд останавливался.

— Поезда не останавливаются на «Ольховке».

— Этот остановился.

Маша посмотрела на неё.

— Почему?

Вера сняла куртку. Повесила на крючок.

— Машинист хотел познакомиться.

Маша замерла.

— Мам. Ты шутишь?

— Нет.

— Машинист остановил поезд, чтобы познакомиться с тобой?

— Да.

Маша смотрела на неё долго. Потом сказала:

— Это самое романтическое, что я слышала.

Вера вздохнула.

— Маш.

— Что? Это правда. — Маша села на стул. — Он что, сумасшедший?

— Возможно.

— А ты что сказала?

— Что он может приехать.

Маша открыла рот.

— Ты сказала «да»?

— Я сказала «приезжайте». Это не «да».

— Это «да», мам. — Маша улыбнулась. — Это определённо «да».

Вечером Вера сидела на кухне и пила чай.

Маша ушла в свою комнату — делать уроки или болтать с подругами по телефону. Вера осталась одна. За окном было темно. Где-то прошёл поезд — она слышала, как стучат колёса.

Она думала об Андрее.

Она не знала о нём ничего. Только имя. Только то, что он машинист. Только то, что он три года махал ей рукой. Только то, что он остановил поезд.

Это было безумием. Настоящим, клиническим безумием. Остановить поезд с пассажирами, чтобы познакомиться с женщиной, которую он видел семь секунд в неделю. Это было нерационально. Это было опасно. Это было... романтично.

Вера не любила романтику. Она любила расписание. Она любила порядок. Она любила, когда всё идёт по плану. А Андрей нарушил план. Он остановил поезд. Он вышел на платформу. Он сказал: «Я хочу вернуться».

И она сказала: «Приезжайте».

Почему?

Она не знала. Может, потому что устала от тишины. Может, потому что хотела чего-то нового. Может, потому что в его глазах было что-то, чего не было в глазах других людей. Что-то тёплое. Что-то живое.

Она допила чай и пошла спать.

Глава 2. Станция

В следующую среду Вера вышла на платформу в 14:30.

Дождя не было. Было холодно, но сухо. Солнце пробивалось сквозь тучи — робко, ненадолго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.